

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 10

Издаётся с 2005 года

2015

ПАМЯТИ Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

Л.Н. Хмылев, И.Ю. Николаева

Учить букве и укреплять дух¹

Статья посвящена памяти и творчеству Бориса Георгиевича Могильницкого (1929–2014) – теоретика исторической науки, методолога, историографа, профессора Томского государственного университета. Авторы рассказывают о жизни профессора и его научной школе, используя его собственные произведения и воспоминания коллег и учеников о нём.

Ключевые слова: Б.Г. Могильницкий, А.И. Данилов, Томский государственный университет, историография, история в СССР, методология истории.

L.N. Khmylev, I.Yu. Nikolaeva

Learn letters and strengthen the spirit

Article is dedicated to the memory and works of Boris Georgievich Mogilnitskiy (1929–2014) – theoretician of historical science, methodologist, historian of history, professor of the Tomsk State University. The authors report on the life of professor, his scientific school, using his own writings and memories of colleagues and students about him.

Key words: B.G. Mogilnitskiy, A.I. Danilov, Tomsk State University, historiography, history in Soviet Union, methodology of history.

Борис Георгиевич Могильницкий – крупный ученый, гордость старейшего в Сибири Томского университета, широко известный в отечественных и зарубежных научных кругах историк

© Л.Н. Хмылев, И.Ю. Николаева, 2015

¹ Статья была впервые опубликована в сборнике «Методологические и историографические вопросы исторической науки», Вып. 25, посвящённом 70-летию Б.Г. Могильницкого. Для новой публикации в текст были внесены незначительные исправления.

и талантливый организатор науки. При этом – учитель, создавший солидную научную школу. И во всех этих ликах присутствует Личность: цельная, глубокая, интеллигентная. При всей гармонии своей натуры Борис Георгиевич потрясал удивительным умением хранить верность традициям, своим учителям, собственным принципам и одновременно быть всегда современным, открытым новому. Профессор Ю.В. Куперт так определил «императив Могильницкого»: сопричастность прошлому и ответственность за будущее. Перефразируя слова известного культуролога В.Л. Рабиновича, каждый из его учеников может сказать, что Борис Георгиевич – учитель, который учил нас букве, а укреплял дух.

Родился Борис Георгиевич в 1929 г. в г. Киеве в семье интеллигентов (мать – врач, отец – инженер), которую отличал высокий культурный уровень. Выросший в атмосфере интереса к литературе и различным видам искусства, он пронесет любовь к ним через всю свою жизнь. Этот широкий культурный кругозор, рано проявившийся в сфере обычного человеческого общения, стал основой стиля и его научного творчества. Высокий уровень общей культуры оказал решающее влияние на такие качества Могильницкого-ученого, как почти универсальный для историографа исследовательский диапазон, масштабное видение проблем, отсутствие крайностей как идеологического, так и теоретико-методологического плана, способность к пониманию иных взглядов, ничем заменяемая в области историографии.

В 1946 г. Борис Георгиевич поступил на историко-филологический факультет Томского университета. В это время факультет пополнился не только высококвалифицированными специалистами, но и людьми, прошедшими войну и обретшими нравственную самостоятельность. В послевоенный период на факультете начинали свою научную и педагогическую деятельность такие тогда еще молодые люди, ставшие впоследствии крупными учеными, как А.И. Данилов, М.А. Гуляев, Ф.З. Канунова и др. Для интеллектуального становления Бориса Георгиевича очень важным оказалось то, что это был именно историко-филологический факультет, не только прививавший студентам серьезное отношение к науке, но и дававший им широкую культурную ориентацию.

Вспоминает доцент филологического факультета О.Н. Киселева: *«Нас окружала творческая атмосфера. Историки и ли-*

тераторы дополняли друг друга. Наше поколение, пришедшее в сознательную жизнь после страшной войны, которую мы пережили подростками, после осознания губительности культа личности, верило, что впереди нас ждет интересная и разумная жизнь. Оптимистическое мироощущение окрыляло. Как-то сразу такие, казалось бы, разные люди, как Б.Г. Могильницкий, Н.Н. Киселев, Л.М. Горюшкин, В.А. Тюнин, заинтересовались друг другом и дружились... Местом общения был факультет и Научная библиотека. Они занимались общественной работой, любили вместе бывать в Научке, обсуждать в курилке животрепещущие вопросы, устраивали «мальчишники».

И хотя эти слова относятся к более позднему, постстуденческому времени, по ним можно представить тот микроклимат, в котором суждено было формироваться Б.Г. Могильницкому.

Уже в студенческие годы Борис Георгиевич занялся исследовательской работой.

Вспоминает Ю.В. Куперт: *«Борис был энтузиастом студенческого научного творчества. Во всяком случае, в спортивную жизнь его нам тогда втянуть не удалось. Почему-то думаю, что к лыжным прогулкам он пристрастился позднее. А вот на многочисленных тогда факультетских собраниях, теоретических конференциях (с участием студентов и преподавателей) его имя повторялось часто и всегда в положительном ключе. Сейчас-то мне ясно: решающую роль играла значительность личности этого молодого человека, которая, конечно, не могла оставаться незамеченной ни в научных дискуссиях, ни в повседневном общении».*

И все же ключевой фигурой в становлении Бориса Георгиевича как исследователя-историка явилась личность его учителя А.И. Данилова, под чьим руководством он начнет исследовательскую работу в студенчестве, напишет кандидатскую и докторскую диссертации, а после отъезда учителя в Москву по праву сменит его в должности заведующего кафедрой, руководителя основанной А.И. Даниловым научной школы и главного редактора первого в СССР специализированного ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки».

Александр Иванович имел богатый жизненный опыт. Фронтвик. Большой организатор науки и высшей школы (заведующий

кафедрой, ректор ТГУ, а впоследствии и министр просвещения РСФСР), крупный ученый, он не мог не быть бесспорным авторитетом в глазах многих и, конечно же, Бориса Георгиевича. Александр Иванович передал своему ученику тот интерес к истории и тот высочайший профессионализм, который был почерпнут им самим у А.И. Неусыхина – а тот, в свою очередь, являлся учеником известного отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного на трудах И.В. Лучицкого и Т.Н. Грановского – гордости русской исторической школы. Отсюда и высокой пробы профессионализм, интерес к источнику и аккуратное обращение с ним, отсюда и умение слышать голос «другого», и при этом способность корректно и твердо отстаивать свои взгляды.

Б.Г. Могильницкий: *«Во время известной компании против космополитов в 1949 г. я, тогда еще студент, задал Александру Ивановичу такой вопрос: “А правда ли то, что говорят, будто к нам едет космополит Разгон?”. На что Александр Иванович, нахмурившись, ответил: “Запомни, к нам едет крупный ученый, Лауреат Сталинской премии И.М. Разгон”».*

Круг научного и человеческого общения определил и характер становления Бориса Георгиевича как ученого. Начало его научной деятельности приходится на 1950–1960-е гг. Всем известно, что это было за время, когда не только история, но и все остальные науки только-только начинали освобождаться от идеологического диктата. Научные интересы Бориса Георгиевича были тогда связаны с творчеством историков-медиевистов. Так уж получилось, что эта отрасль исторической науки на протяжении почти всего советского периода оставалась на периферии идеологического контроля, что позволило ей сохранить и высочайший научный уровень, и связь как с дореволюционным, так и современным западным исследовательским опытом. В то время Борис Георгиевич опубликовал серию статей о выдающихся представителях отечественной дореволюционной науки, а творчество Д.М. Петрушевского стало темой его кандидатской диссертации. В царившей тогда обстановке высокомерного отношения к дореволюционным российским историкам как буржуазным идеологам и порой буквально оголтелой критики современных западных ученых Борису Георгиевичу одному из немногих удалось написать серь-

езные исследовательские труды, выделяя во взглядах тех и других то, что ему представлялось позитивным.

Кроме того, отличительной особенностью отмеченных работ явился анализ теоретико-методологических взглядов историков. Именно в этом проявилась связь молодого ученого с важнейшей тенденцией в развитии советской исторической науки того времени. Дело в том, что до конца 1950-х гг. историографические исследования почти исключительно посвящались конкретно-историческим и идейно-политическим взглядам историков. Перелом начался с монографии А.И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в.» (1958). С этого времени начинается систематическое изучение теоретико-методологических взглядов историков. Не случайно, что и ныне эта тенденция в историографии наиболее полно представлена многочисленными трудами исследователей томской историографической школы. Обращение к этой теме на рубеже 1950–1960-х гг. не только серьезно расширило сферу историографических исследований, но и имело принципиальное значение для понимания истории исторической науки.

Помимо этого, обращение к методологической проблематике в области историографии способствовало тогда возрождению в нашей стране методологии истории, загубленной в 1930-е гг. Собственно говоря, методологическая проблематика впервые после 1930-х гг. зазвучала в двух почти одновременно опубликованных фундаментальных исследованиях. Кроме книги А.И. Данилова, это монография И.С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959).

Итогом исследовательской работы Бориса Георгиевича в области русской дореволюционной историографии явилась докторская диссертация «Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х гг. XIX в. – начала 900-х гг.», защищенная в 1967 г. и опубликованная в виде монографии в 1969 г. Научное значение этого труда состоит в том, что он непосредственно связан с изучением центральной в советской историографии 1960–1980-х гг. проблемы кризиса отечественной исторической науки на рубеже XIX и XX вв. В монографии содержится глубокий и всесторонний анализ предкризисной теоретиче-

ской атмосферы в исторической науке, одновременно она вводит исследователя в атмосферу новых теоретических поисков русских историков уже периода кризиса науки. В связи с этим является вполне закономерным тот бесспорный факт, что лучшие достижения в области изучения кризиса отечественной исторической науки связаны с исследованиями Бориса Георгиевича и его учеников. Именно они, опираясь на уже накопленный опыт своего учителя, сначала преодолели негативное отношение к теоретическим концепциям, разработанным российскими историками в начале 1900-х гг., а соответственно, и негативную оценку кризиса в целом, а затем показали, что сам этот кризис представлял собой переход исторической науки на новый, более высокий уровень развития.

Монография Бориса Георгиевича имеет и более широкое значение. Дело в том, что она представляет собой концептуальный тип исследования, в котором осуществляется научный синтез. Вне этого исследовательского подхода невозможно осмысление крупных тенденций и структур, в конечном счете, закономерного характера функционирования и развития общественных организмов. Принципиально важно, что свой труд Борис Георгиевич написал в 1960-е гг., когда доминирующими в количественном отношении стали так называемые частные исследования. В историографии преобладали работы, посвященные одному и, естественно, отдельно взятому историку, а то и одному аспекту творчества одного историка. Предпринятая отделением истории Академии наук СССР грандиозная по замыслу попытка осмысления целостного и закономерного процесса развития исторических знаний (многотомное издание «Очерки истории исторической науки в СССР») на деле обернулась простой совокупностью разделов о творчестве огромного количества историков, сгруппированных по времени жизни последних и их дисциплинарной принадлежности. В области русской историографии концептуальные исследования в 1960-е гг. принадлежали только трем специалистам: кроме труда Бориса Георгиевича, это монографии А.Л. Шапиро («Русская историография в период империализма», 1962 г.) и А.Н. Цаматули («Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века», 1967 г.).

Как это ни парадоксально, но концептуальный тип исследования остается слабым местом и нынешней историографии. В по-

следние годы появилось немало попыток концептуального осмысления, особенно отечественной истории. Однако большинство из них не выдерживают серьезной критики. Это результат длительное время доминировавших частных исследований. Историки во многом утратили опыт создания крупных обобщающих трудов. В то же время очевидно, что дальнейшее поступательное развитие отечественной исторической науки связано именно с этим опытом. В области историографии монография Бориса Георгиевича всегда будет оставаться ярким примером наиболее плодотворного и перспективного типа исследования.

Насыщенная исследовательская работа конца 1960-х – начала 1970-х гг. совпала для Бориса Георгиевича с решением ответственных задач, связанных с руководством кафедрой, факультетом (с 1968 по 1972 г. он был деканом историко-филологического факультета, с 1974 по 1980 г. – деканом исторического факультета ТГУ). Одновременно он возглавлял и научно-организационную работу по изучению в Томском университете методологии истории и историографии всеобщей истории, в частности издание периодического сборника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (МИВИН). Знаменитые методологические семинары, проводившиеся под его руководством, собирали гуманитариев всех вузов города. А региональные конференции по методологии истории, историографии, источниковедению по географии участников и по научному уровню, безусловно, имели в реальности статус всесоюзных. При этом огромная преподавательская нагрузка. На лекциях Бориса Георгиевича нередко можно было увидеть «чужих» студентов, преподавателей, что нечасто случается в практике даже интересных и ярких лекторов.

Вспоминает профессор Л.Г. Сухотина: *«Не без грусти вспоминаю годы его деканства. Каждый день в определенные часы он был в своем кабинете, за рабочим столом. Всегда деловой, спокойный, доступный. Этот стиль руководства передавался и его заместителям – Б.С. Жигалову и С.Ф. Фоминых. Особо следует отметить его всегдашнюю доброжелательность, терпеливость и терпимость, которые, однако, вовсе не означают всепрощенчества, но сочетаются с прямоотой и принципиальностью».*

Вспоминает Н.И. Майоров: *«Никогда не забуду своего первого практического занятия, на котором присутствовала кафедра.*

В перерыве ведущий преподаватель дисциплины подверг мою работу уничижительной, не вполне справедливой критике. Я был обескуражен, растоптан и только поддержка Бориса Георгиевича сохранила мое самоуважение. А через несколько лет я уже уверенно читал лекции по Древнему Востоку. И многих из нас спасала удивительная чуткость и тактичность шефа. Но при этом он мог прямо в лицо сказать тебе горькую правду, когда ты это заслужил».

Безусловно, все эти качества Бориса Георгиевича видел в нем его учитель, когда, уезжая в Москву, передавал ему свое «наследство».

Вспоминает профессор А.А. Говорков: *«Александр Иванович увидел в Борисе Георгиевиче Могильницком талант организатора. В середине 1960-х гг. он вызвал меня на беседу и предложил занять должность декана историко-филологического факультета. Однако считал наиболее подходящей кандидатурой на это место доцента Бориса Георгиевича Могильницкого. Но ему нужно было закончить докторскую диссертацию. И действительно, вскоре Борис Георгиевич стал деканом факультета и был им не один срок. При этом он сумел объединить вокруг себя талантливого, оригинально мыслящего и высококвалифицированный коллектив кафедры».*

Да, это были годы зрелости факультета, который жил бурной и насыщенной жизнью развивающегося организма со всеми его радостями и горестями. Были не только хвала и награды, были и очень трудные ситуации, в которых требовались смелость и гражданское мужество. В конце 1960-х гг. оттепель плавно начала переходить в заморозки. Сумятица в головах многих была изрядная. И необходимо было обладать мощным нравственным стержнем, чтобы не растеряться в то сложное и противоречивое время. Борис Георгиевич был одним из тех людей, которые не пытались приспособиться к изменившимся обстоятельствам, но, напротив, по мере сил пытались направлять ход событий в соответствии с собственным нравственным чувством, невзирая на трудности, а порой и опасности выбора позиции. Вот один из примеров.

Вспоминает О.Н. Киселева: *«В 1969 г. Н.Н. Киселев работал над докторской диссертацией по драматургии 20–30-х гг. XX в., и его статья о пьесе Н. Эрдмана “Самоубийца” была запрещена и вырезана из уже готового тома “Ученых записок ТГУ”.*

В тогдашних условиях политической подозрительности, чтобы идти против течения, необходимо было мужество и убежденность в правоте Николая Никитича. И Борис Георгиевич вместе с Фаиной Зиновьевной Катунковой выступили в обкоме партии в защиту Николая Никитича. Позднее, когда докторская диссертация Н.Н. Киселева из-за идеологических рогаток трудно проходила в ВАКе, Борис Георгиевич поддержал позицию Николая Никитича, чем способствовал утверждению диссертации».

В конце 1960-х гг. центр научных интересов Бориса Георгиевича переместился из области историографии в теоретико-методологическую область. С одной стороны, это было естественно: работая в сфере историографии, он всегда испытывал особый интерес к теоретическим вопросам и накопил к этому времени солидный опыт теоретического мышления, что является незаменимой основой методологических исследований. С другой стороны, обращение к методологии свидетельствовало о выборе позиции, в данном случае научной. Дело в том, что в 1930-е гг. методология была ликвидирована и заменена истматом как философской теорией исторического развития. И так продолжалось вплоть до начала 1960-х гг., пока не началось возрождение методологических исследований. Однако обстановка была противоречивой. Выдающийся ученый П.В. Копнин и его сторонники, возрождая гносеологические исследования, что было актуальной задачей тогдашнего философского знания, все же недооценивали роль собственного теоретического опыта исторической науки. Те, кто держался за дух и букву истмата, вообще не признавали за историками права на собственные теоретико-методологические ориентиры. И в этих условиях в 1964 г. Борис Георгиевич публикует свою первую работу по методологии истории². В сложной и противоречивой гносеологической ситуации 1960-х гг. Борис Георгиевич без колебаний выбрал то направление в развитии методологии истории, которое опиралось не на априорные теоретические конструкции всемирной истории, а на накопленный опыт конкретного исторического научного познания. Его позиция, как и позиция его учителя

² Могильницкий Б.Г. Объективность и партийность в историческом исследовании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964.

А.И. Данилова, была, безусловно, в этом плане новаторской и продуктивной. Но за всем этим новаторством высвечивалась связь с традицией, с крупными тенденциями в развитии отечественной дореволюционной науки и внимание к опыту западных коллег.

Свое понимание природы методологии истории Бориса Георгиевича изложил в ряде специальных исследований³. Основной идеей этих работ явилось положение, используя терминологию Бориса Георгиевича, о «среднем уровне» методологических исследований, или «теория действия». Методология истории похожа на слоеный торт. Она включает в себя целый ряд пластов, начиная от частных проблем (методы изучения народных движений, кризисных ситуаций в истории стран и регионов и т. п.) и кончая предельно общими проблемами, удаленными от конкретной практики исторического исследования. Обосновывая «средний уровень» методологии истории, Борис Георгиевич всегда стремился, с одной стороны, сблизить саму теорию с практикой конкретного исследования, с другой стороны, избежать сведения методологии к частным проблемам. В конкретной научной ситуации Борис Георгиевич в известной степени противопоставляет теорию «среднего уровня», или «теорию действия», как он ее стал называть в начале 1990-х гг., истматовской теории. В связи с этим Борис Георгиевич пишет, что если социологическая теория формулирует «общие тенденции исторического развития», то историческая теория объясняет «механизм конкретного исторического действия»⁴.

³ *Могильницкий Б.Г.* О некоторых вопросах методологии истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1976. № 6; *Его же.* О содержании понятия «методология истории» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 11. Томск, 1976; *Его же.* О природе исторического познания. Томск, 1978; *Его же.* К вопросу о теоретико-методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. М., 1989; *Его же.* Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Историко-методологические исследования в Томском университете (1950–1990 гг.) // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991 гг.). Новосибирск, 1992; *Его же.* Общая историческая теория как специфическая форма научного знания // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Ч. I. Социально-экономические и гуманитарные науки. Томск, 1993; *Его же.* Историческая наука и проблемы гносеологии // Россия в XX веке. М., 1994.

⁴ *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческая теория. С. 7.

Накопленный опыт научного познания при разработке теоретико-методологических проблем наглядно проявился в решении Борисом Георгиевичем той проблемы, с которой начались его теоретические публикации, которая волнует его на протяжении всей жизни и которой он посвятил целую серию работ как историографического⁵, так и теоретического⁶ содержания – проблемы соотношения исторической науки и современности.

В перечисленных работах анализируются многочисленные аспекты проблемы, в фокусе которых стоит сознательное отношение историка-профессионала к современности. Суть решения Борисом Георгиевичем этого вопроса сводится к тому, что ученый в любом случае, при решении любой проблемы должен оставаться профессионалом, стремиться к объективным результатам в своей исследовательской деятельности, современность же является не только предметом познания, но и его питательной средой, выдвигает наиболее значимые, актуальные для данного времени проблемы, стимулирует научную деятельность. В данном отношении следует специально отметить, что при всей серьезной связи научного

⁵ Могильницкий Б.Г. О некоторых аспектах отражения современности в трудах русских медиевистов // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966. Вып. 4; *Его же*. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала 900-х гг. Томск, 1969; *Его же*. О социальных функциях современной буржуазной исторической науки // История СССР. 1978. № 5; *Его же*. О социальной функции современной буржуазной историографии // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Часть II. Калинин, 1978; *Его же*. Буржуазная историческая мысль и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 13. Томск, 1979.

⁶ Могильницкий Б.Г. Объективность и партийность в историческом исследовании; *Его же*. Объективность исторического познания и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск, 1967.; *Его же*. Принцип партийности в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 10. Томск, 1974.; *Его же*. О природе исторического познания; *Его же*. Выступление на конференции историков социалистических стран (Москва, 1978) // Общественные науки и современность. М., 1980 (на нем., англ., фр. языках); *Его же*. Историческая наука и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Новосибирск, 1983; *Его же*. Введение в методологию истории. М., 1989; *Его же*. Гражданское общество и историческое сознание // Гражданское общество и региональное развитие. Томск, 1994.

творчества Бориса Георгиевича с крупными переменами в истории нашей страны последних десятилетий ему никогда не было свойственно идеологическое метание, которое отличает нашу творческую интеллигенцию, и тем более конъюнктура в науке.

В цикле теоретических работ Бориса Георгиевича особое место занимают те, которые посвящены одной из центральных для историографии 1970-х гг. проблем – проблеме предмета историографии⁷. В 1970-е гг. по этой проблеме развернулась достаточно острая дискуссия, причиной которой послужило то, что общее, теоретического уровня понимание предмета и задач историографии заметно отстало от практики конкретных историографических исследований, между теорией и практикой историографии возникло существенное противоречие.

К этому времени едва ли не общепринятым было понимание предмета историографии как истории исторической науки. Однако уже были накоплены фундаментальные исследования об исторических знаниях, содержащихся в летописях, работы об исторических взглядах философов, публицистов, писателей и т. д. В среде специалистов все эти работы было принято считать историографическими. В то же время было непонятно, как подвести эти работы под сложившееся определение предмета историографии как истории исторической науки. Дело, разумеется, касалось не просто дефиниции, специалисты должны были прийти к единому мнению о содержании своей дисциплины и путях ее дальнейшего развития, хотя и дефиниция также была нужна.

Решение вставшей задачи первым нашел тогда Борис Георгиевич. Оно заключалось уже в самом названии опубликованной им в 1974 г. статьи «История исторической мысли как предмет историографического исследования». Под предметом историографии Борис Георгиевич предложил понимать не только историю исторической науки, но и историю исторической мысли, исторических знаний независимо от того, в какой интеллектуальной области

⁷ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Марксистские принципы критики буржуазной историографии // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. М., 1985. Т. I; *Его же*. Историческая наука и проблемы гносеологии.

они складываются. Разумеется, он понимал разницу между историческими знаниями, сложившимися в науке и за ее пределами, в связи с чем были поставлены две принципиально важные для историографии проблемы:

1) специфики формирования исторических знаний в науке, философии, художественной литературе, публицистике и т. д.;

2) соотношения, взаимовлияния научного и всех остальных видов исторических знаний.

И сам Борис Георгиевич, и его многочисленные ученики в своей исследовательской работе давно уже вышли за узкие рамки понимания задачи историографии как изучения истории исторической науки. Сформулированное им понимание предмета и задач историографии получило тогда широкое обсуждение в среде специалистов и стало общепринятым.

В середине 1980-х гг. Борис Георгиевич опубликовал две работы по проблеме специфики исторических законов⁸. Этими работами он включился в дискуссию о предмете исторической науки. Поскольку дискуссия протекала в аспекте сравнения истории и истмата по предмету назначения, в ней приняли участие многие философы и историки. Дискуссия имела принципиальное значение и для философии (истмата), и особенно для исторической науки, так как обсуждался вопрос о научном статусе последней.

Дискуссия началась как результат противоречий, в каком-то смысле даже нелепой ситуации, сложившейся в советском обществоведении того времени. Противоречивость ситуации была обусловлена взаимосвязанным процессом кризиса (деградации) истмата и уже начавшегося методологического перевооружения исторической науки. Позиция философов состояла в том, что задачей истмата является изучение общих исторических законов, а поскольку никаких других законов тогда никто не знал, постольку изучение закономерного характера исторического развития оказывалось монопольным правом истмата, на долю же исторической науки оставалось описание конкретного хода истории и показ ис-

⁸ Могильницкий Б.Г. О специфических законах истории // Вопросы развития историографических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС. Днепропетровск, 1985; *Его же*. О специфических исторических законах // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 18. Томск, 1986.

торически индивидуального проявления открытых истматчиками общеисторических законов. Что это за законы, никто не объяснял. Нелепость ситуации состояла в том, что по официальной версии советской философии любая дисциплина имеет право именоваться научной только при условии, если она изучает законы, и хотя никто не отказывал истории в праве именоваться наукой, оказывалось, что она не обладает важнейшим качеством науки – изучением законов. Причем тогда, кажется, никого не волновало то обстоятельство, что истмат возродил эфемерную программу позитивистской социологии второй половины XIX в. по открытию системы общественных законов, с одной стороны, с другой – в примитивном виде воспроизвел неокантианское понимание предмета исторического познания. Задача группы историков, принявших участие в этой дискуссии, попросту говоря, состояла в том, чтобы доказать, что история – это тоже наука, но каждый обосновывал это по-своему.

В основе работ Бориса Георгиевича была мысль о том, что законы функционирования и развития общества многообразны, среди них есть и такие, которые являются предметом изучения только исторической науки и не входят в предмет истмата. Борис Георгиевич обосновал новую по тем временам идею об относительных исторических законах, действующих в ограниченных пространственно-временных рамках. Идея оказалась в высшей степени перспективной. Теперь понятно, что никаких общеисторических законов нет вообще, а провозгласивший задачу открытия таких законов истмат окончательно деградировал.

Борис Георгиевич неоднократно обращался к центральной в методологии истории проблеме – проблеме предмета исторического познания. Специфику исторической науки он видит в том, что она имеет дело с конкретными историческими событиями, с «конкретным ходом событий, образующих определенную историческую ситуацию»⁹. Одновременно Борис Георгиевич со всей определенностью утверждает, что «именно в сфере исторического синтеза и выражается природа истории как науки»¹⁰. Позиция Бо-

⁹ Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория. С. 3.

¹⁰ Могильницкий Б.Г. Тенденции развития современной буржуазной исторической мысли // Вопросы истории. 1987. № 2. С. 67.

риса Георгиевича достаточно четкая и, что не менее важно, лишена крайностей: наукой историю делает синтез, но, в отличие от теоретической социологии (истмата) и чрезмерно социологизированной истории, этот синтез всегда учитывает конкретную историческую ситуацию, конкретный ход событий. Именно научный синтез, на основе которого создаются концептуальные исследования, позволяет, по мнению Бориса Георгиевича, осознать закономерный характер исторического развития.

С 1974 г. Б.Г. Могильницкий начал публикацию своих работ по проблеме альтернативности исторического развития¹¹. Хотя первая статья называлась «Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции», думаем, что к идее исторической альтернативности учитель пришел не только от размышлений о ленинских взглядах. Подобно тому, как А.И. Нусухин «переводил на марксистский язык» некоторые фундаментальные положения историко-социологической теории М. Вебера, Борис Георгиевич насыщал ленинские понятия теми умозаключениями, которые сложились у него в результате освоения многообразного историко-теоретического опыта как западных, так и отечественных ученых. В итоге идея была разработана им до уровня учения, которое без всяких натяжек может претендовать на статус фундаментального открытия в теоретико-методологической области, равных которому не было в последние десятилетия в отечественной методологической науке. В методологической литературе двух последних десятилетий, пожалуй, не было ни одной работы, в которой так или иначе не затрагивалась бы эта проблема, а понятие исторической альтернативности превратилось в фундаментальную категорию исторической науки. Значения этого открытия, как говорят в подобных случаях, трудно переоценить. Здесь нет нужды разъяснять содержание учения Бориса Георгиевича об историче-

¹¹ Могильницкий Б.Г. Альтернативность исторического развития в ленинской теории народной революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 9. Томск, 1974; *Его же*. Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № 11; *Его же*. Историческая необходимость и историческая закономерность: выбор путей общественного развития // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. I. М., 1989; *Его же*. Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 3.

ской альтернативности хотя бы потому, что об этом много написано. Хотелось бы кратко остановиться на его научном значении.

Прежде всего, необходимо отметить, что это учение, как и сама категория исторической альтернативности, имеет прямое и непосредственное значение для практики конкретного исторического исследования. Учение не на словах, а на деле означает тот самый «средний уровень» методологии истории, о котором неоднократно писал Борис Георгиевич и который помогает историкам осмыслить конкретные исторические ситуации как важнейшую задачу исторического исследования.

Учение об исторической альтернативности – это такое открытие, которое, по существу, изменяет сам тип исторического мышления, сложившийся в науке. На смену одномерному, однонаправленному видению истории приходит многомерное, учитывающее безграничное многообразие истории понимание, свободное от какой бы то ни было догматики. В теоретической физике такое понимание носит название релятивистского. Лучше всего о значении исторической альтернативности сказал сам Борис Георгиевич: «Принципиальное значение этой категории заключается в том, что она предупреждает всякую догматизацию истории, с каких бы позиций она не совершалась. Признание альтернативности в истории исключает упрощенно-детерминистский подход к ней, будь это представление об историческом процессе как реализации божественного плана или неуклонном прогрессе производительных сил, определяющем все другие стороны жизни общества»¹².

Борис Георгиевич хорошо был известен и в столичных кругах, уважаем в среде высокопоставленных властных фигур Томска и области. При этом, как выразилась О.Н. Киселева, Борис Георгиевич никогда не был человеком, который ничего не видит вокруг себя. Человек широкого кругозора и большой души, он проявлял неподдельный интерес к судьбам своих друзей и коллег. О том, что эта заинтересованность была искренней и действенной, свидетельствует много фактов.

Вспоминает А.А. Говорков: *«Приведу два примера, характеризующих нравственные качества Бориса Георгиевича как прин-*

¹² Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 5–6.

ципиального ученого и человека. На факультете многие помнят, что московские высокопоставленные чиновники недоброжелательно относились к И.М. Разгону, лауреату Сталинской премии, патриарху советских сибирских историков. Это сказалось и в том, что ему неоднократно отказывалось в присвоении звания заслуженного деятеля науки. В знак протеста против такого несправедливого отношения к И.М. Разгону Борис Георгиевич Могильницкий не давал согласия на посылку в Москву документов, позволяющих ему самому стать заслуженным деятелем науки. Его принципиальная позиция серьезно помогла пройти через ВАК моей докторской диссертации. Некоторые чиновники ВАК резко негативно относились к самой личности академика М.Н. Покровского. Диссертация подверглась дополнительному рецензированию. Но рецензенты дали положительный отзыв на работу. И все же были предложения, чтобы я сам отозвал работу из ВАК взамен присвоения мне должности профессора. По инициативе Бориса Георгиевича Могильницкого при поддержке И.М. Разгона от имени нашего совета был составлен дополнительный положительный отзыв, и только тогда ВАК решила присвоить мне степень доктора исторических наук».

Многим помогал Борис Георгиевич своим авторитетом. Широко известно так называемое тепличное дело 1980 г., к которому оказался причастным доцент В.С. Гуртьев. Чтение «Доктора Живаго» могло обернуться для него лишением работы, если не запретом на профессию, не будь заступничества Бориса Георгиевича. В аналогичных обстоятельствах оказывались и многие другие.

Вспоминает В.М. Мучник: «В 1970-х гг. у нашей семьи, как и у многих других томских семей, возникли проблемы с самиздатом. Кампания, которая проводилась тогда всесильным ведомством, зацепила и нас. В доме родителей произошло то, что сотрудники КГБ называли изъятием. Забавно, что у нас изъяли книгу М.О. Гершензона о Чаадаеве в придачу с изданными письмами самого Петра Яковлевича. Я тогда учился в аспирантуре и предполагал, что это как-то отзовется на моей судьбе. Однако из аспирантуры меня не отчислили. Доучился. Защитился. И даже был оставлен на кафедре. При этом я всегда считал, что просто не сработал механизм обычно отлаженной работы органов. И только почти 20 лет спустя, абсолютно случайно, я узнал, что осечки

не произошло, что к Борису Георгиевичу приходили, говорили ему о том, что меня следует из аспирантуры исключить. Характерно даже не только то, что учитель дал мне закончить аспирантуру и взял на кафедру, характерно, что он словом об этом не обмолвился. Насколько я знаю, аналогичным образом он поступал со многими другими людьми. Мы все уже забыли ощущения тех лет, забыли о том, что так поступить в те годы подразумевало не только высокую порядочность, но изрядное личное мужество, что так поступали далеко не все».

Не знаем, читал ли Борис Георгиевич в те годы самиздатовскую литературу, разделял ли в чем-либо «диссидентские» взгляды своих учеников. Знаем одно: он всегда ценил и уважал право личности на собственный выбор позиции, взглядов, круга чтения и т. п.

В контексте затронутой темы нельзя обойти молчанием вопрос об отношении Бориса Георгиевича к классикам марксизма. В перестроечные годы отношение к трудам Маркса, Энгельса, Ленина стало своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой эксперты от конъюнктуры с неподражаемой легкостью отделяли «истинных» историков от «прихвостней марксизма». Полутона в историографической полемике этих лет – вещь чрезвычайно редкая. Отчасти для этого имелись основания. О классиках марксизма в течение советского периода написаны буквально горы литературы. Их имена нещадно эксплуатировались, а их взгляды порой уплощенно интерпретировались, если не извращались. Борису Георгиевичу нередко приходилось обращаться к наследию Маркса и его последователей. И конечно же, как для человека, работающего в тех условиях, авторитет этого наследия был для него непререкаем. И все же, основная задача, которую преследовал Борис Георгиевич в своих многочисленных публикациях, по его собственным словам, состояла в том, чтобы «окончательно освободиться от догматического подхода к марксизму, лишь дискредитирующему его подлинное научное значение»¹³. Что он и делал, как это явствует из того же примера с учением об альтернативности. В своих работах Борис Георгиевич пытался выделить те продуктивные стороны их взглядов, которые имели перспек-

¹³ Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория. С. 3.

тиву для лучшего понимания общественно-исторических процессов. Это не означает, что его отношение к трудам классиков осталось неизменным. Уже в начале 1990-х гг. Борис Георгиевич писал в одной из своих статей: «...начинается, хотя и медленно, подспудно процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности»¹⁴. В последние годы у Бориса Георгиевича все чаще звучала мысль, что марксистский научный метод является хоть и важным, но всего лишь одним из многих необходимых для историка методов исследования.

В связи с этим становится понятным, почему Борис Георгиевич одним из первых среди отечественных методологов поставил вопрос об относительности исторической истины. Стиль его работы мысли не мог не привести к отказу от представления об истине как непреложном, раз и навсегда добытом знании: «Претензия на монопольное обладание всякой истиной, в том числе исторической, по самой сути своей несовместима с областью научного познания потому прежде всего, что она исключает свободу научного поиска, подменяя его движением по заранее намеченному пути к заведомо известной цели. Причем само определение этой цели, как и путей достижения ее, является прерогативой небольшой группы лиц – жрецов монопольной истины, ее бдительных и неустанных хранителей»¹⁵. Конечно, Борис Георгиевич не проповедовал известный принцип, сформулированный К. Беккером, – «каждый сам себе историк». И вообще «концептуальный анархизм» был не в его вкусе. Но он был поклонником сомнения как познавательного принципа, сомнения не расслабляющего, говоря его словами, волю исследователя, а оплодотворяющего его усилия. Отсюда, кстати сказать, и тот дух свободы, которым дышала возглавляемая им кафедра и его многочисленные ученики. Отсюда и взвешенная и мудрая гражданская позиция Бориса Георгиевича в наши сложные постсоветские годы. Он не искал врагов ни справа, ни слева, не примыкал ни к одному из противобор-

¹⁴ Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 13.

¹⁵ Могильницкий Б.Г. Историческая наука и проблемы гносеологии. С. 713.

ствующим с яростью политических лагерей, но в своих статьях и публичных выступлениях постоянно отстаивал мысль о политическом диалоге как единственной условии конструктивной работы общества по созданию сильного и цивилизованного государства.

Нами уже не раз отмечалось, что «железный занавес» никогда не отделял поиски Бориса Георгиевича и его учеников от исследований западных ученых. Он всегда пристально наблюдал за теми сдвигами, которые происходили в западной науке. Одним из первых занялся в 1970-е гг. проблемой проникновения психоанализа в историческую науку, прежде всего США¹⁶, одним из первых подметил такую важную тенденцию в развитии историографии, как «возрождение нарратива»¹⁷, одним из первых начал анализировать те процессы, которые ныне именуется антропологическим сдвигом в историографии.

И дело здесь не только в приоритетах, хотя то, что Борис Георгиевич был одним из первопроходцев в лабиринте зарубежной исторической науки, несомненно, важно. Дело здесь в другом. В условиях кризиса идентичности, охватившего нашу науку в последние десятилетия, в условиях «концептуальной анархии» как следствия крушения безраздельного господства марксистской социологической теории, его историко-методологическая работа является знаковой. Знаковой в том смысле, что для Бориса Георгиевича в царящей атмосфере «смены вех» приоритетным являлось не поклонение каких-либо «измам» (будь то марксизм или постмодернизм), а следование профессионализму, который и является самой важной опорой ремесла историка.

Секрет творчества Бориса Георгиевича был одновременно сложен и прост. Думая о нем, невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина: «Любовь и тайная свобода внушают сердцу гимн простой». Пусть и далее звучит этот гимн в стенах Alma mater и душах тех, кто принадлежит к ней.

¹⁶ Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гульбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория». Критический очерк. Томск, 1985; Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986.

¹⁷ Могильницкий Б.Г. Современная буржуазная историография ФРГ: возрождение нарратива // Вопросы истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987.

Рецензии и отзывы Б.Г. Могильницкого

Публикация избранных рецензий на диссертационные исследования, написанных Б.Г. Могильницким, показывает его взгляды на историю и методологию исторической науки.

Ключевые слова: методология истории, отзыв на диссертацию, Б.Г. Могильницкий.

Reviews and ratings B.G. Mogilnitsky

Publication of selected reviews of the thesis written by shows his views on the history and methodology of history.

Key words: methodology of history, review of the thesis, B.G. Mogilnitsky.

Издавая здесь избранные отзывы Б.Г. Могильницкого на диссертации его коллег, мы преследуем сразу несколько целей. Прежде всего, отзывы – это та часть научного творчества, которая может занимать весомое место у отдельных учёных, но при этом в массе своей остаётся за пределами долговременного научного интереса, оставаясь тесно связанной с разовым актом защиты самой диссертации. Кроме того, это особый жанр, выведение которого за рамки стабильного историографического исследования, обедняет круг историографических источников, а иногда выводит за скобки и те важные моменты, которые помнят современники и участники событий (защит и дискуссий), но редко имеют возможность надёжно узнать те, кто находится в другом времени или отдалён в пространстве. Соответственно, отзывы на диссертационные сочинения – это источник, проясняющий нормативные характеристики вступления в научное сообщество (что ставит проблему соотношения писаных и неписаных правил), и в этом процессе критически важна личность оппонента, его научные позиции, наконец, его идеалы.

В данном случае личность оппонента сама – достойный тщательного исследования предмет. Б.Г. Могильницкий выступал в своих отзывах экспертом и диагностом исторической науки, требовательным, вдумчивым, прозревающим перспективы. Наша публикация надеется заложить ещё один начальный камень в фундамент будущего исследования творчества замечательного учёного, которое, безо всякого сомнения, является одной из обязательных задач истории отечественной исторической науки XX–XXI вв.

**Отзыв ведущей организации на диссертацию
Т.А. Сидоровой «Формирование и развитие критического
направления в английской историографии
конца XIX – начала XX в.» (Казань, 2004), представленной
на соискание ученой степени доктора исторических наук**

Стремительный бег современной историографической революции, низвергающей одни имена и выносящей из небытия другие, не просто актуализирует изучение истории исторической науки, но и предъявляет к ней серьезные требования, обусловленные нынешним пониманием природы исторического и историографического знания.

Всякое историографическое исследование несет на себя печать своего времени, представляющего, образно говоря, ту вершину, с которой обозреваются прошлое науки. Наличие такой точки обзора является необходимой предпосылкой поступательного развития науки. Ибо каждый раз открывается новая ретроспектива, позволяющая углубить наше понимание историографического процесса, в том числе и благодаря совершенствованию языка исследования.

Точно так же, как есть известный резон в знаменитой максиме о том, что каждое поколение заново переписывает историю, можно сказать, что создаваемый на каждом новом витке развития исторического знания образ Истории неизбежно ведет к изменению концептуальных взглядов на историю исторической науки и отдельных его персоналий, и чем радикальнее, как это происходит в наши дни, изменяется этот образ, тем значительнее является ломка историографической традиции.

В этом процессе, однако, имеются свои ловушки. Самая опасная из них заключается в соблазне «спрямить» эту традицию, оценивая прошлое науки с позиции ее современного состояния. Наконец, нельзя упускать из виду нравственно-этическую компоненту историографического исследования. Слишком часто, увы, возникает искушение, а нередко и сознательное стремление подчинить изучение прошлого науки конъюнктуре сегодняшнего дня.

Все это определяет не только актуальность диссертационного исследования Т.А. Сидоровой, но и объективные трудности, стоявшие перед его автором. Сразу же подчеркнем, что с этими трудностями Т.А. Сидорова в основном справилась. Предметом своего исследования она избрала системное изучение критического направления в английской историографии конца XIX – начала XX в.

как целостного, концептуально единого историографического феномена, которое автор характеризует как направление теоретико-методологического синтеза.

Центральной, системообразующей фигурой этого направления является Ф.У. Мэйтленд. Однако, в отличие от традиционного сведения к этому, бесспорно, выдающемуся историку всего направления, Т.А. Сидорова впервые в науке предприняла основательное исследование критического направления во всем его многообразии. Она определила его персональный состав, исследовала труды его представителей. И все же, и это совершенно справедливо, главное внимание в диссертации уделяется Ф.У. Мэйтленду.

Особенно большой интерес для читателя представляет вторая глава диссертации, в которой анализируется роль Ф.У. Мэйтленда в становлении критического направления. Думается, что именно в этой главе особенно плодотворно сказались современные представления о природе историографического знания, на которое опирается Т.А. Сидорова в своей реконструкции интеллектуальной биографии Ф.У. Мэйтленда. Основываясь на этих представлениях, она справедливо указывает, что разворачивающаяся в историческом контексте интеллектуальная биография ученого не может быть сведена лишь к его опубликованным трудам. Историк, пишет она, живет в нескольких временных измерениях, комбинация которых составляет сложный панорамный фон его научной биографии.

Тем самым в историографическое исследование неизбежно вносится субъективный элемент, что порождает нелегкую проблему адекватного воспроизведения исследователем биографии своего персонажа. Один из путей ее решения предлагает Т.А. Сидорова, когда пишет: «Поскольку контекст рукотворен, создается и задается историографом, который, конструируя его, сознательно вычленяет силы, управлявшие личностью в конкретной ситуации, формировавшей ее поведение и менталитет, он (историограф) ответственен за соблюдение неких пропорций, баланса, которые предотвратили бы возможность растворения личности в контексте» (с. 74–75).

Я бы только сделал одно существенное уточнение. Выдающийся историк, а в диссертации речь идет именно о таком, не является пассивным объектом действия неких сил, управляющих его личностью и формирующих его поведение и менталитет. Чем более значительной является эта личность, тем большее влияние на эти силы оказывает она сама.

Впрочем, внимательный читатель диссертации тоже убедится в этом, знакомясь с предложенным Т.А. Сидоровой опытом интеллектуальной биографии Ф.У. Мэйтленда. Например, она признает, что Ф.У. Мэйтленду не были присущи такие характерные черты англичан, как высокомерно-снисходительное отношение к иностранцам, глубокая религиозность и холодная чопорность, более того, принимая во внимание многогранную научную, преподавательскую и общественную деятельность Ф.У. Мэйтленда, снижавшую ему огромный авторитет, мы вправе полагать, что эта деятельность в какой-то мере способствовала смягчению указанных черт английского характера.

Вторая глава, несомненно, является украшением диссертации. По существу, здесь мы находим даже нечто большее, чем интеллектуальную биографию. Автор воссоздает убедительный образ Ф.У. Мэйтленда – английского джентльмена викторианской эпохи и британского историка, сформировавшегося в рамках национальной традиции, наложившей печать на его восприятие истории своей страны. Поэтому совершенно справедливо Т.А. Сидорова в качестве исходного пункта при реконструкции образа Ф.У. Мэйтленда обращается к национальной компоненте в его личности: чертам характера и психологическому облику английского народа, его традициям, стереотипам поведения и мировосприятия, моральным нормам и менталитету, особенностям жизненного уклада и т. п.

Органическим продолжением второй главы являются IV и V приложения к диссертации, содержащие яркий материал о клане Мэйтлендов из Лодердейла, свидетельствующий об их видном положении в английской истории, а также воспроизводится их фамильный герб.

Большой научный интерес представляют страницы, на которых раскрываются отношения Мэйтленда со своими учителями, коллегами, в том числе П.Г. Виноградовым, и учениками. В особенности заслуживает быть отмеченным состоятельное исследование непростых отношений Ф.У. Мэйтленда с его ближайшим коллегой Ф. Поллоком. Дело даже не в степени одаренности каждого из них. Главное, их отношение к истории. Ключевым здесь является принципиальное положение автора: «Если для Ф. Поллока история была служанкой права, Ф.У. Мэйтленд трактовал право как часть истории, справедливо полагая, что право не развивается имманентно, обособлено от других сторон жизни, но в то же время оказывает существенное влияние на развитие общества» (с. 91–92).

Т.А. Сидорова аргументировано полемизирует с распространенным представлением о Мэйтленде как ученом, стоящим особняком в историографическом пространстве британской исторической науки. Следует согласиться с ней, когда она указывает на малую эффективность подхода, связывающего такого неординарного исследователя, как Мэйтленд, с какой-либо одной конкретной структурой. Гораздо убедительней представляется обоснованное автором диссертации предложение рассматривать наследие Ф.У. Мэйтленда в неформальном ключе как выдающегося члена «незримого колледжа» европейской исторической науки. Не без основания Т.А. Сидорова полагает, что он сумел, преодолев притяжение национальной историографии, создать свой «незримый колледж», подчиненный его профессиональным интересам и обусловленный ими.

Понятие «невидимого колледжа» как особой формы неформального, профессионального, интернационального сообщества ученых получило в диссертации разностороннее и убедительное обоснование. Думается, что введение этого понятия в широкий научный оборот в той его интерпретации, какую предлагает Т.А. Сидорова, будет способствовать более глубокому пониманию не только прошлого нашей науки, но и современной историографической ситуации.

Центральное место в диссертации занимают главы, раскрывающие место и значение критического направления в истории исторической науки и исторической мысли. С величайшей скрупулезностью здесь реконструируется созданная в трудах Ф.У. Мэйтленда парадигма «другой» социальной истории, его теория конституционного развития Англии и его изучение парламентской истории страны. Достоинством этих глав является включение взглядов Мэйтленда в широкий историографический контекст. Т.А. Сидорова исследует взгляды предшественников и коллег Ф.У. Мэйтленда, а также его учеников и последователей. Благодаря этому ей удалось реально раскрыть научную новизну концептуального подхода к изучению британской истории, обоснованного критическим направлением.

Закономерным итогом такого исследования явилась заключительная глава диссертации, в которой реально прослеживается влияние исследовательских стратегий и методологии критического направления на английскую и американскую историографию первой половины XX века. Это позволяет Т.А. Сидоровой сделать обоснованный вывод, что «до конца 50-х гг. XX в. английская и амери-

канская историография развивалась под знаком «критического» наследия, в русле «критической» парадигмы истории» (с. 369).

Другое дело, что следовало бы, наверное, указать, что уже в 1930–1950-е гг., когда основоположники школы «Анналов» развертывали свои знаменитые бои за «новую историю», методологические принципы этого направления, основывавшиеся на неокантианском идиографизме, явно являлись устаревшими, исчерпавшими свои эвристические возможности.

Т.А. Сидорова этого не делает в силу избранного ею метода изучения критического направления, в котором явственно прослеживаются черты его апологетики. Своеобразным выражением кредо Т.А. Сидоровой стала язвительная отповедь Е.В. Гутновой за ее претензии по поводу того, что в работах «парламентаристов» содержится мало собственно социальной истории в марксистском понимании. Т.А. Сидорова указывает, что эти претензии «не следует относить строго к недостаткам историописания британских исследователей, ни собственно критического направления, ни его последователей. Сложившись как историки в другой системе научных традиций, они не обязаны были соответствовать марксистско-ленинскому пониманию сущности сословий, парламента, королевской власти» (с. 352).

Конечно, «не обязаны были». Согласимся также с высказанной на следующей странице мыслью, что и «парламентаристы», и «корпоратисты» являлись конституционалистами, государственниками, относящимися к политическому направлению, имеющему иные цели и задачи, нежели у представителей историко-экономического направления. Но действительно ли все сводится к сложившемуся в европейской историографии принципу разделения труда между историками (с. 353)?

Ведь такое разделение предполагает взаимодействие и взаимовлияние различных направлений исторической мысли, что блестяще продемонстрировал в широком общеисторическом плане современник Мэйтленда М. Бобер, кстати, эффективно использовавший в своих трудах социально-классовый анализ, хотя тоже не был обязан «соответствовать марксистско-ленинскому пониманию» сущности феодальных и раннекапиталистических отношений. Сошлюсь также на новейшую исследовательницу английского парламентаризма О.В. Дмитриеву, успешно применяющую различные подходы в своей историографической практике.

Иначе говоря, ни на рубеже XIX–XX вв., ни столетие спустя «разделение труда» не обязательно ведет к обособлению различ-

ных исследовательских стратегий. Юридическую ограниченность Ф.У. Мэйтленда в исследовании институтов средневековой Англии хорошо видел его ближайший коллега П.Г. Виноградов. Следовательно, критику советскими историками «юридизма» Мэйтленда при всей ее идеологизированности никак нельзя целиком отнести на счет их дурного (марксистско-ленинского) воспитания. Она шла в русле отечественной историографии с ее традиционным интересом к широким социальным построениям.

Элементы апологетики критического направления можно обнаружить и в содержательной первой главе диссертации, характеризующей основные черты английской историографии второй половины XIX – начала XX в. Это проявляется в известной недооценке значения методологического кризиса на рубеже этих столетий. Нельзя сказать, что он прошел мимо внимания автора диссертации. На с. 46–47 содержится достаточно емкая его характеристика, которая, однако, в известном смысле повисает в воздухе. В определенном противоречии с ней эволюция методологических основ британской историографии в конце XIX века рассматривается в терминах не их кризиса, а поступательного движения к парадигмальному и методологическому синтезу, воплощенном в творчестве критического направления.

«Парадигматический синтез, – пишет Т.А. Сидорова, характеризуя триумфальный марш британской историографии в XIX в., итогом которого стало возникновение критического направления, – дал феноменальный результат – стал основой синтеза достижений британских историков XIX в. В области изучения национальной истории, прежде всего, средневековой, вобрав в себя восторженное отношение к ней романтиков, принцип строгой опоры на достоверные факты и беспристрастность авторской позиции позитивистов, увлечение фактологией и локальной тематикой неокантианцев. И как следствие – историки критического направления подвели итог эволюции британской историографии XIX в. и перебросили мост в историческую науку века XX» (с. 54–55).

И это при «утрате уверенности в познавательных возможностях истории как науки и объективном характере исторических знаний» (с. 46)! Здесь явное противоречие между констатацией такой природы методологического кризиса и впечатляющими достижениями методологического же порядка (парадигмальный синтез), которое, во всяком случае, нуждается в разъяснении.

С другой стороны, едва ли можно, строго говоря, постулировать парадигмальный синтез, осуществляемым критическим на-

правлением, так как здесь явно отсутствует, например, представляемое Т. Роджерсом влиятельное историко-экономическое направление.

Сказанное не ставит под сомнение основательность принятого автором анализа теоретико-методологической трансформации британской историографии на рубеже XIX–XX вв., но проблематика её кризиса нуждается в дальнейшем исследовании. Тем более, что во «введении» содержится многообещающее утверждение, что на рубеже XIX–XX вв. во многом в сходной ситуации оказались российские историки, которые могут апеллировать в теоретическом и практическом планах к опыту своих коллег – британских историков критического направления» (с. 2).

Указанные замечания носят характер пожеланий и, разумеется, не могут изменить общей высокой оценки представленного Т.А. Сидоровой на защиту диссертационного исследования. Его основные положения отличаются несомненной научной новизной и репрезентативностью в их обосновании.

Диссертация написана хорошим литературным, языком, удачно структурирована, логически выверена. Правда, автору не удалось избежать повторений, иногда дословных (см. на с. 361 и с. 368 дословное повторение мысли об устойчивости созданного представителями критического направления образа истории), и досадных опечаток в тексте (например, на с. 150 хоризма Ф.У. Мэйтленда).

Основные положения и выводы диссертации полностью отражены в ее автореферате и многочисленных опубликованных работах, включая две монографии.

Рецензируемая работа является оригинальным законченным исследованием, успешно решающим крупную научную задачу. Она полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям, по специальностям 07.00.09, а автор ее вполне заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв подготовлен профессором Б.Г. Могильницким, обсужден и утвержден на заседании кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета 19 марта 2004 г.

*Заведующий кафедрой истории древнего мира,
средних веков и методологии истории,
заслуженный деятель науки РФ, профессор Б.Г. Могильницкий*

**Отзыв официального оппонента о диссертации
С.А. Прокопенко «Проблемы и методы изучения
демографических процессов в Испании
раннего Нового времени (конец XV – XVII в.)»,
представленной на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности
07.00.09 «Историография, источниковедение
и методы исторического исследования»; Москва, 2011 г.**

Казалось бы, далекая от сегодняшних проблем нашего общества диссертация Сергея Алексеевича Прокопенко является наиактуальнейшим исследованием. Как верно подчеркивает сам диссертант, цитируя в данном случае такого классика, как П. Шоню, «демография является ключевым элементом для объяснения системы цивилизации». Историческая демография, акцентирует историк, которая в немалой степени занимается мало изменчивой биологической природой человека, рассматривает процессы именно «большой продолжительности». Не повторяя мотивировок актуальности избранной темы самого Сергея Алексеевича, подчеркну: помимо прочего, мы имеем налицо проблему, явно звучащую в резонансе с процессами, происходящими в мире и, в частности, в современной России. Именно современность, как отмечал А.Я. Гуревич, по-настоящему актуализирует задавание вопроса прошлому. А. Азуан показал это на примере Испании, может быть, с некоторой категоричностью, называя в качестве примера страны, которая постоянно попадает в накатанную, но не ведущую к развитию колею, Испанию XVII века.

Оценка И. Валлерстайна, характеризовавшего русский путь как путь «обычной для России ухабистой истории», с известной степенью пусть меняющейся, но повторяемостью «пробуксовки», если не срывов модернизационных процессов в переходные периоды ее истории, со всеми вытекающими демографическими последствиями, заставляет нас с особой пристальностью взглянуть в проблемы Испании конца XVI – XVII в. и тем самым актуализирует тему диссертации и в социальном смысле.

Несомненна и научная новизна представленного диссертационного исследования. Комплексная работа на стыке исторической демографии, географии, социальной истории, истории медицины открывает принципиально иные исследовательские горизонты анализа конкретно-демографических процессов Испании раннего Нового времени. Без натяжки можно сказать, что, выполненное в таком регистре, это первое исследование не только в отече-

ственной испанистике, но и других отраслях истории раннего Нового времени. Причем представленная картина дается не в статично-стационарном режиме, но с помощью соответствующего концептуального инструментария рассматриваются возможности социально-дифференцированного анализа демографического поведения. Этот ход также придает работе пионерный характер.

Двигаясь к решению четко поставленных задач, С.А. Прокопенко использует применительно к постулируемой цели целый спектр хорошо продуманных и выверенных логикой развития научного знания приемов. Прежде всего, обращает на себя внимание системный взаимодополняющий друг друга метод исследовательского поиска, основанного на скрупулезном использовании анализа историографической практики и одновременно самой пластики исторической фактуры испанского материала. Органичное сочетание историографического и конкретно-исторического планов построения исследования обуславливает ее большую научно-информационную насыщенность. Обращает на себя внимание не только это, но и основательный багаж знаний из смежных дисциплин, без чего претензия на полидисциплинарность осталась бы пустым звуком.

Хотелось бы отметить еще один важный признак профессионализма рабочего почерка автора диссертации. Как всякому добросовестному ученому, Сергею Алексеевичу не приходит в голову отказываться, как это свойственно поверхностно обученным ремеслу авторам, от классического наследства европейской и отечественной науки. Речь идет, прежде всего, о марксизме. Проблема преемственности научной традиции решается в то же время в соответствии с тем, что с необходимостью предполагает недогматичный подход к ее редакции в новых условиях развития научного знания, обновлению средств и методов. Не просто постулируется, но на историографической фактуре анализа осуществляется ревизия формационно-классового ортодоксального подхода, со свойственным ему социальным и формационным редуccionизмом, главным образом путем использования понятия многоукладности в исследовании испанского общества переходной эпохи.

Обращает на себя внимание так же то обстоятельство, что, в отличие от многих работ с претензией на системный подход, диссертант методологически выверенно и аргументированно выстраивает многоплановый регистр реализации такого подхода. В частности, заслуживает особо быть отмеченным то значение, которое придает историк рассмотрению народонаселения Испании как динамичной системы, включая в свой анализ происходившие миграции, и тем самым вслед за многими ведущими испанистами в

этой области уходит от узких мест «стационарного подхода». Наконец, системность проводимого исследования достигается выявлением важных линий взаимодействия демографических переменных с социальными, экономическими, ментальными и биологическими факторами, а это, в свою очередь, становится возможным в силу подхода к демографическим моделям как подсистемам, из которых и строится макрообщество. Иными словами, методолого-теоретические взгляды Сергея Алексеевича отличает вдумчиво-творческий подход как к прошлому наследству, так и к современным средствам обогащения научной традиции.

Не прибегая к разбору всей совокупности важных положений и выводов, к которым приходит автор рецензируемой работы, остановлюсь на наиболее важных с моей точки зрения.

Один из них касается пересмотра вопроса о хронологии и масштабах демографического кризиса в Испании XVII в. Автор диссертации, отдавая отчет, сколь спорны эти вопросы в мировой историографии, прибегая к помощи новейших исследований, в частности Р. МакКаа и Г. Переса Бриньоли, впервые введших в оборот облегченную версию инверс-проекции, отодвигает начало фазы демографического регресса в Кастильской короне на четверть столетия, т. е. вместо 1596–1602 гг. на 20-е XVII в. (с. 142, 244). Объясняется это значительным естественным демографическим потенциалом восстановления, который был реализован за счёт сокращения целибата в репродуктивных когортах и снижения возраста вступления в первый брак. Важную компенсаторную роль, отмечает автор, играли повторные браки: 30 % и выше от общего числа свадеб в этот период. Поскольку пандемия 1596–1602 гг. Арагонскую корону почти не затронула, а в Валенсии демографическая яма приходится на промежуток между 1609–1615 гг. и 1620, в Каталонии на 1620–1660 гг. (с. 245), то совокупность этих данных существенно корректирует сложившуюся картину. Разбор стадий демографического роста, осуществленный так же на региональном уровне, позволяет отнести испанскую модель гомеостаза к так называемой «средиземноморской» или «южной» модели воспроизводства населения традиционного типа.

При этом модифицированная методология выделения динамичных региональных субмоделей по материалам поздних цензов, разработанная Эйрасом Роэлем и использованная в ходе диссертационного исследования, позволила Сергею Алексеевичу выявить на территории страны в XVI–XVII вв. четыре основные субмодели (северная, центральная, андалусийская, каталонская) и три «переходные», или смешанные (астурийская, майоркская и валенсий-

ская или левантийская), сделав вывод, что в этот период ведущую роль играла центральная субмодель, которой был свойственен большой удельный вес молодого населения, высокие показатели «индекса мускулинности», плодовитости, рождаемости, смертности и минимальным контролем за браками (с. 248). Этот блок исследовательских выводов, в равной степени как и блок заключений по III и IV главам работы, служит основой для двух важнейших макровыводов диссертации. А именно дает основания рассматривать Испанию как «пример многообразия вариантов развития, столь свойственного переходной эпохе». Реконструированная картина, справедливо заключает диссертант, выглядит много богаче стереотипов, заданных последующими веками «испанского декаданса» и либеральными мифами, которые некритично повторяли следующие поколения историков И, наконец, эта демографическая картина, полагает Сергей Алексеевич, позволит по-новому взглянуть на механизмы генезиса капитализма и проблематику обратимости общественного развития (с. 523).

Сразу оговорюсь, что соглашаясь с автором относительно такого уточнения, у меня как рецензента остаются сомнения в корректности некоторых более общих выводов. Сергей Алексеевич полагает, что показателем экономического восстановления Испании после опустошительной пандемии чумы являются продемонстрированные возможности демографического восстановления. В этот же ряд аргументации ставится и воссоздание новой «Великой Армады» к началу правления Филиппа IV и продолжение борьбы за европейскую гегемонию во время Тридцатилетней войны. Сюда же вписывается и «мощный исход» в Испанию на протяжении столетий переселенцев из «менее благополучной Франции», сохранивший свою инерцию вплоть до начала XVIII в. Однако приведенные примеры могут быть 1) интерпретированы как результат гипернапряжения ресурсов в продолжении инерционного курса универсалистской политики, 2) ревизованы лишь в случае уточнения региональной специфики развития районов, давших поток французской иммиграции. Во всяком случае, здесь возникает поле для дальнейшей дискуссии, в которой на другую чашу весов будет положен багаж материала и выводов В.М. Ракова, оценивающего испанскую модель развития в этот период как полупериферийную, а франко-английскую как модель стран-лидеров центра процесса Перехода в Европе¹⁸.

¹⁸ Подробнее см.: *Раков В.М.* «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999. (Здесь и далее прим. Б.Г. Могильницкого.)

Впечатляюще выглядит приведённая диссертантом динамика смертности кастильских провинций в Новое время, которая фактически ставит крест на многочисленных рассуждениях о глобальном характере так называемого «кризиса XVII столетия». Отсюда правомерен вопрос: меняет ли что-то эта информация в нашем видении агонии «испанского XVII века»? Сергей Алексеевич даёт положительный ответ на этот вопрос. Переработка идей Нортона и Томаса о вариантах перехода на путь капиталистического развития, применительно к анализу реакции на неомальтузианский кризис, позволила автору выделить среди прочих *модернизационный* вариант выхода – за счёт трансформации аграрного производства (внедрения новых сельскохозяйственных культур, в частности маиса, и огораживания земли), интенсивного развития межрегиональной торговли, что наблюдалось в Галисии, Кантабрии, Астурии, а также в Западной Андалусии. Доказанность наличия в Испании всего многообразия палитры трансформационных процессов, свойственных переходным обществам, на мой взгляд, конечно же свидетельствует в пользу анализа испанской модели не как примера типичной феодальной державы, запрограммированной на проигрыш капиталистическим соперникам, а как сложного процесса динамики соотношения старых и нового укладов, нелинейности генезиса капитализма, что впрочем не отменяет концептуально убедительной типологии процессов Перехода В.М. Ракова.

В этом же контексте весьма любопытен демографический материал, приводимый в IV главе работы «Социальная характеристика испанского общества», свидетельствующий как о большой социальной, имущественной, так и «производственной» картине испанского дворянства. Опять-таки целый ряд данных (выявленных, к примеру, В.А. Ведюшкиным на кастильском материале (с. 416) или Ф. Руиса Мартина, показавшего участие в оптовой торговле представителей даже родовой знати и грандов, причем с весьма условным различием аристократического и буржуазного элементов капитала в совместных торговых обществах (с. 421–422)) не позволяет полностью отсечь эту социальную категорию испанского общества от процессов «обновления».

Словом, если вести спор «по гамбургскому счёту», то многие проблематизации Сергея Алексеевича «испанского декаданса» как абсолютного и необратимого выглядят более чем убедительными. Но остаются вопросы, которые все-таки трудно обойти. К примеру, следующий: как сопрячь эту картину с тем духовно-психологическим и культурно-нравственным процессом опускания испан-

ского общества конца XVI – пер. пол. XVII в., который был выявлен рядом работ испанских и российских исследователей?¹⁹

Высказанные в отзыве соображения не умаляют многочисленных достоинств работы, автор которой дает стереоскопичную многоформатную картину испанской историко-демографической динамики, заставляющей более глубоко задуматься о природе происходивших процессов. Содержание диссертации С.А. Прокопенко полностью отвечает сформулированной теме. Автор владеет широким спектром методов современного научного исследования, им собран и проанализирован масштабный массив историографического и фактического материала, значительная часть которого впервые введена в научный оборот. Выводы и концептуальные обобщения, сформулированные диссертантом в ходе исследования, логичны, обоснованы, хорошо аргументированы и в целом возражений не вызывают. Работа С.А. Прокопенко является актуальным, самостоятельным и завершенным комплексным научным исследованием, вносит значительный научный вклад в изучение историографии исторической демографии и новой истории Испании, в дальнейшее развитие прикладного взаимодействия между различными научными дисциплинами. Автореферат диссертации и публикации С.А. Прокопенко отражают основные положения диссертации.

Диссертация Прокопенко Сергея Алексеевича на соискание ученой степени доктора исторических наук является научно-квалификационной работой, решающей крупную научную проблему, и заслуживает присуждения автору ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», в соответствии с п. 8 положения ВАК о порядке присуждения ученых степеней.

*Профессор кафедры истории древнего мира,
средних веков и методологии истории
Томского госуниверситета доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки РФ, Б.Г. Могильницкий
2011 г.*

¹⁹ См., напр.: *Maravall J.A.* La literatura picaresca desde la historia social: siglos XVI y XVII. Madrid. 1986; *Панушева О.Н.* Кризис испанского общества конца XVI – пер. пол. XVII в. сквозь призму полидисциплинарного анализа ментальности пикаро (по материалам плутовского романа): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005; *Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Гл. VI. Томск, 2010. С. 308–359.

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
Н.М. Морозова «Концептуализация исторического знания
о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв.
в отечественной историографии», представленную
на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.09 «Историография,
источниковедение и методы исторического исследования»
(Кемерово, 2014)**

В условиях академической и социально-гражданской разногласия по поводу специфики российской цивилизации, как никогда актуальным с научной точки зрения и востребованной с общественной является попытка провести своеобразную экспертную инвентаризацию подходов к данной проблеме, имеющихся в отечественном гуманитарном пространстве XX–XXI вв. Диссертант справедливо отмечает, что «затянувшиеся поиски интеллектуалов цивилизационной идентичности России и национальной идеи по существу лишены предметности без обобщения знаний об основополагающих свойствах общества, о котором радеют» (с. 5).

При этом Н.М. Морозов очень точно квалифицирует назревшую актуальную задачу выработки адекватного подхода к решению проблемы этой специфики, указывая на те опасности, которые до сих пор ощутимы, и проявляются, к примеру, что в общественной, что в государственной риторике. Автор диссертации отмечает мировоззренческую дезориентацию общественного сознания, ставшего объектом манипуляций разного рода. Он пишет, что апологеты либерализма ратовали за вхождение в западную цивилизацию, глобализацию, не считаясь с тем, что подобного рода идеи не соответствовали реалиям и потребностям самой российской цивилизации. В чем проявляется четкость идейной и гражданской позиции Николая Михайловича Морозова.

В связи с этим нельзя не отметить и научно-теоретической актуальности рецензируемой диссертационной работы, еще раз подчеркнув и ее социальную ангажированность. Квалифицированные научные попытки определить целостность российской цивилизации, ее специфику, безусловно, имеют значение и для самоопределения государственно-политического сознания и сознания общественного.

Несомненна и новизна рецензируемой диссертации, заключающаяся не только в первой в историографии попытке систематизировать имеющийся в отечественной науке аналитический ре-

курс исторического знания о российской цивилизации в эпистемологическом, пространственном и временном срезе, но и предложить авторскую версию структуры цивилизационного менталитета России, согласующуюся с устоявшимися в научной среде историческими фактами. Сразу же оговорюсь, что Николай Михайлович не всегда последователен в определении носителя этой специфической цивилизационной ментальности. В одних случаях четко оговаривается, что «метафора “российский менталитет” условно подчёркивала лишь консолидирующую роль русских в пространстве российской цивилизации, заполненном этническими сообществами и соответствующими им этническими менталитетами» (с. 230), в других, как это следует, например, из названий третьей и четвертой глав диссертации, речь идет именно о ментальности этнически русских. Думается, что наиболее адекватно авторская позиция формулируется в заключении, где пишется: «Тем не менее, в рассматриваемый период отечественные обществоведы перешли от изучения отдельных составляющих цивилизационного пространства, выступавших как часть, элемент более сложной социальной (этнической) системности, к выявлению и объяснению связности и природы отношений между ними, накапливая тем самым материал **для осознания в дальнейшем пространства российской цивилизации как целого** (выделено мною. – *Б.М.*)» (с. 388).

Достоинством диссертационного исследования Н.М. Морозова является методологическая оснастка работы, сформированная на принципах «неоклассической модели историографического исследования». Ее междисциплинарный характер не означает всеядности использования различных заимствований из цикла гуманитарных дисциплин и знания. Как постулирует сам диссертант, «рассматривая научную объективность в качестве цели, к которой следует стремиться, автор опирался на однозначное толкование категорий научных дисциплин, выступающих в качестве фильтров предпочтений, позволяющих обнаружить элементы неопределенности или двусмысленности в рассматриваемых умозаключениях» (с. 47).

Впечатляет источниковая база проделанной Николаем Михайловичем работы. Ее фундированный характер проявляется не просто в количестве задействованных историографических источников (в диссертации использовано 900 работ, в том числе более 50 – на иностранных языках), но в тщательном отборе привлекаемых исследований, имеющих репрезентативный характер. Можно утверждать, что из поля зрения автора работы не выпало ни одно

сколько-нибудь серьезное исследование, посвященное проблематике специфики российской цивилизации, написанное на рубеже XX–XXI вв. Эрудиция диссертанта проявляется также в профессиональном ретроспективном историографическом анализе, обращении к именам и научным идеям, выходящим за хронологические рамки исследования.

Важно подчеркнуть, что дополнительную четкость работе, ее логической структуре придает проблемная ранжированность источниковой базы, нашедшая отражение в композиции самой диссертации. Речь идет о выделении таких блоков как: 1) литература, связанная с интерпретацией таких понятий как «локальная цивилизация», «цивилизационный подход», «теория локальной цивилизации»; 2) труды, в которых переосмысляются эпистемологические основания в исследовании пространства и времени российской цивилизации; 3) исследования, посвященные обоснованию структуры менталитета россиян; 4) тот блок идей и подходов, в которых отражена проблема понимания российской власти и развития общества в фокусе российского менталитета.

В диссертации четко определены объектно-предметные параметры ее принадлежности. Н.М. Морозов определяет их следующим образом: «**Объектом настоящего исследования** является отечественная историография рубежа XX–XXI вв., представляющая собой комплекс научной литературы исторического, философского, политологического, экономического, социологического, психологического, культурологического характера, посвящённой проблеме познания общества. **Предметом исследования** выступает концептуальное пространство, сложившееся в процессе изучения российской цивилизации» (с. 39–40).

В полном согласии с поставленной в диссертации цели («оценить эвристический потенциал наиболее известных и получивших обоснование идей и концепций российских учёных, направленных на постижение сущности отечественной цивилизации в историческом контексте, и на этой основе представить платформу теоретического понимания ее целостности» – с. 41) корректно сформулированы задачи рецензируемого исследования, последовательно и аргументировано решаемые в работе.

Среди положений, вынесенных на защиту, особую значимость имеют следующие. С конца 80-х гг. XX в. система исторического знания о российской цивилизации переживала состояние дефиниционного тупика, связанного с кризисом в качестве методологического ориентира формационной теории; последующие влия-

ния антропологического, лингвистического и других поворотов, с одной стороны, расширили площадку апробации новых идей и познавательных моделей, посвященных объяснению разнообразных проявлений цивилизационной специфики общества и его институтов, с другой – внесли вместе с методологической разногласий и методологическую сумятицу, выражавшуюся в зачастую некорректном использовании того или иного методологического инструментария.

Автор рассматриваемой работы предлагает ряд собственных, согласующихся с наиболее перспективными подходами, наличествующими в историографии, дефиниций. Николай Михайлович, в частности, приходит к научно обоснованным выводам о целесообразности определения таких понятий, как «локальная цивилизация», «цивилизационный подход» и «теория локальной цивилизации», следующим образом. Он предлагает следующие дефиниции:

- «локальная цивилизация это часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтнуса, объединённая комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации;

- цивилизационный подход – это методологическое направление, обеспечивающее изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтнуса комплементарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации;

- теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, сфокусированных на неоклассической интерпретации проблемы менталитета в истории общества, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основании принципов цивилизационного подхода» (с. 112–113).

И, тем не менее, остается «за кадром» методологической рефлексии вопрос о соотношении цивилизационного и формационного подходов, хотя на с. 385 при характеристике первого из направлений в определении понятия «цивилизация» автор диссертации не исключает совместимости этих подходов. Он, в частности, пишет: «Новизна точек зрения заключалась в попытках включения в формационную аналитику элементов цивилизационной». Но при этом уходит от вопроса о том, как соотносятся более поздние и зрелые попытки определить понятие с формационным подходом.

Наиболее продуктивную и одновременно дискуссионную часть диссертационной работы составляет блок идей, нацеленных на определение специфики российской цивилизации через

специфику ее менталитета. Совершенно справедливо подчеркивая вслед за Ю.П. Малининым, что «синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации» (с. 8) и, оговаривая наличествующие противоречивые, если не взаимоисключающие определения понятий «ментальность» и «менталитет», автор предлагает свое видение проблемы. Нельзя не согласиться с позицией автора работы, что «наиболее убедительную теоретическую оснастку в ходе поиска и обоснования природы менталитета получила точка зрения о его принадлежности к **бессознательному уровню психики, выступающему в качестве первоначальной природной субстанции социального** (выделено мною. – Б.М.)» (с. 231). И в тоже время настаивают многочисленные оговорки относительно иррационального компонента как составляющей данного феномена. В этом смысле несколько противоречивой представляется собственная позиция Николая Михайловича о природе менталитета, которую, как пишет автор, «характеризуют психическое содержание инстинктов и архетипические формы: образы, идеи, мотивы и модели поведения, идентифицирующие врожденное бессознательное» (с. 242).

Весьма любопытной и в хорошем смысле провоцирующей выглядит попытка диссертанта выстроить структуру когерентных архетипов, формирующих структуру российского менталитета. И, тем не менее, само наполнение этой структуры вызывает вопросы. Не отрицая наличия обозначенных автором в этой структуре архетипов, невольно задумываешься, «а все ли они имеют специфически российский цивилизационный характер?».

В этом смысле содержание четвертой главы «Современная отечественная историография о российской власти и развитии общества в фокусе менталитета русских» видится более аргументированным и менее проблемным. Действительно, сложно отрицать, что мобилизационный тип развития российской цивилизации имел ментальную природу и специфика российского цивилизационного менталитета заключалась в том, что «державность» была одной из базовых установок, определявших горизонт ожиданий по отношению к высшим эшелонам власти среднестатистического россиянина.

Подводя итоги, еще раз подчеркну прочность методологической базы диссертационного исследования Н.М. Морозова, высо-

кую эрудицию и профессионализм в работе с разноплановым кругом источников, соответствующий критериям современной методологической культуры междисциплинарный характер работы, высокую научную значимость сделанных выводов и поставленных вопросов. Совершенно очевидно, что диссертация Н.М. Морозова найдет практическое применение. Многие ее положения и выводы могут быть востребованы в идеологической и политической деятельности, в научной и учебной работе, в подготовке научных трудов, курсов и спецкурсов по историографии, методологии истории, философии и истории России.

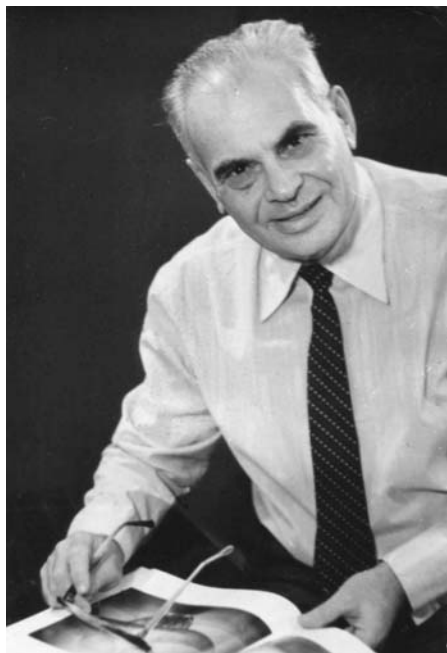
Текст диссертации соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и является научно квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное значение для развития истории исторической науки в целом и практики преподавания дисциплин гуманитарного и социально-экономического профиля.

Все это в совокупности дает основание утверждать, что представленная работа полностью отвечает всем требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», а ее автор – Н.М. Морозов – несомненно заслуживает присвоения ему искомой степени доктора исторических наук.

Проблематика, основное содержание и выводы диссертационного исследования отражены в индивидуальной и коллективных монографиях, а также в многочисленных статьях автора (в общей сложности их насчитывается тридцать девять, включая публикации в журналах, рекомендуемых ВАК).

Автореферат соответствует содержанию диссертации и выполнен в соответствии с действующими правилами.

*Официальный оппонент профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
доктор исторических наук,
профессор Могильницкий Борис Георгиевич
05.05.2014 г.*

Б.Г. Могильницкий

***Б.Г. Могильницкий
в мантии профессора.
2000-е гг.***

***В.П. Корзун с поздравлениями от омских коллег.
10.06.2009 г.***

***Б.Г. Могильницкий с учениками Н.М. Морозовым
и Т.Ю. Николаевой 13.03.2014 г.***